

na bulharské půdě. Důležitými představiteli prvního názoru jsou B. Čonev, L. Andrejčín a K. Mirčev, nejnověji pak R. Lěč. Zastánci autochtonního původu renerativních forem jsou hlavně J. Trifonov, St. Mladenov a G. Gělábov. Také I. Kucarov zřejmě sympatizuje s tímto druhým hlediskem, nicméně je si dobře vědom, že existence kategorie renerativnosti vůbec a nápadná shoda ve využití *l*-ových morfémů v bulh. jazyce a tureckého afixu *mış/müş* i ztráta pomocného slovesa 3. sg. u této kategorie v obou jazycích zvláště se nedají vysvětlit bez ohledu na vliv turečtiny, která z historickospolečenských a kulturních důvodů měla mimořádný vliv i na jiné roviny bulh. jazyka, zejména na slovník. Na druhé straně je opět třeba z obecně lingvistického hlediska přiznat, že rozsáhlé přejímání v oblasti gramatického systému (speciálně pak přejímání celých gramatických kategorií a paradigmát) je věc naprosto neobvyklá. Autor se proto právem přiklání k uvážlivému kompromisnímu stanovisku vyslovenému Ivančevem, že bulh. perfektum se původně vyvíjelo z praslovanského základu stejným směrem jako v severních slov. jazycích, tedy k préteritu, že se však dalo později na cestu samostatného vývoje a bohaté diferenciace, přičemž zde jako mocný katalyzátor působila turečtina.

Kucarovova práce je podložena rozsáhlým materiálem excerpovaným z literatury (nevyhýbaje se však ani materiálu čerpanému z jazykové intuíce rodilého mluvčího) a byla připravena řadou průpravných studií, o čemž svědčí solidně sestavená bibliografie vyčerpávající zkoumanou problematiku. Knižka je napsána čtivým, jasným způsobem a autorova argumentace je ve většině případů jednoznačná a přesvědčivá. V zahraničí bude jistě přivítána slavisty, kteří se chtějí orientovat v složité situaci bulharského slovesa, doma ovšem dobře poslouží i v tomto směru i širší bulharské kulturní veřejnosti, protože přesné užívání renerativních tvarů v praxi není ani pro Bulhara vždycky snadnou a samozřejmou věcí.

Mirek Čejka

Валерий Вениаминович Морковкин — Наталья Орестовна Бёме — Ирина Александровна Дорогонова — Татьяна Фёдоровна Иванова — Иольда Дмитриевна Успенская: Лексическая основа русского языка (комплексный учебный словарь), Москва, „Русский язык“, 1984, 1166 стр.

Nastоящий словарь представляет собой комплексное, многоцелевое произведение учебной лексикографии, являющееся результатом многолетней усердной работы авторов. Совмещающая в себе качества словаря, лексического минимума, пособия по лексике и теоретического исследования, оно допускает самое различное использование. Авторы назвали его комплексным учебным словарем. Он содержит около 10 000 слов. Его наиболее отличительная черта состоит в новом подходе к построению минимальной лексической системы, в стремлении авторов к максимальному выявлению и развернутому представлению системообразующих факторов.

Основную часть труда составляют словарные материалы. Они объединены в два больших раздела: „Лексическое ядро русского языка“ и „Материалы для поаспективной работы над русской лексикой“.

Первый раздел „Лексическое ядро русского языка“ (с. 40—544) состоит из двух частей словаря: из алфавитной и идеографической. Алфавитная часть по словам авторов является сердцевиной „Лексического ядра“. Любая словарная статья здесь включает заголовочное слово, указание на его семантическую структуру и семантизирующие текстовые отрезки, позволяющие устранить неопределенность относительно каждого рассматриваемого лексико-семантического варианта заголовочного слова. Указание на семантическую структуру заголовочных слов производится посредством перечисления их лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Каждый ЛСВ семантизируется отдельно и нумеруется с помощью ступенчатой системы нумерации (ср. *великий* — 1.0. *великая цель*; 1.1. *великий писатель*; 2.0. *великое счастье*; 2.1. только крат. ф. *Костюм мне велик*). Семантизация ЛСВ носит не объяснительный характер как в обычных толковых словарях, а указательный, т. е. значение его выявляется с помощью текстовых иллюстраций. Семантизация слова осуществляется не только

с помощью иллюстративных речений, но и посредством включения в синонимические и антонимические группы, установления этимонов, морфемного членения, выявления страноведческой и фразеологической ценности, а также отсылки к определенному разделу идеографического словаря, где данное слово дается в парадигматическом ряду близких по семантике слов.

В словаре последовательно ставится ударение и раскрывается морфемный состав заголовочных слов. В подавляющем большинстве случаев морфемное членение предлагаемое составителями, бесспорно и целесообразно. В некоторых случаях оно, однако, вызывает возражения. Например: у глаголов на *-сти* (ср. *вести*, *мести*) и на *-ть* (ср. *сесть*, *счесть*) не учитывается историческое чередование согласных в корне *с-д* или *с-т* и последовательно выделяется суффикс *-сти*, *-ть*: *ве|стий*, *ме|стий* вместо *вес|тй*, *мес|тй* и др. Наблюдения непоследовательности и в некоторых случаях выделения приставок, например, выделяется приставка *до-* в глаголе *до|бавл|я|ть*, однако не выделяется приставка *со-* в глаголе *со|держ|я|ть*.

Содержание алфавитной части лексического ядра русского языка показывает, что и вторая цель комплексного произведения — обнаружить семантические, морфологические, орфоэпические и другие особенности слов лексического ядра — авторами достигнута.

Идеографическая часть представляет собой совокупность систематизированных отдельным образом лексико-семантических объединений. Она по замыслу составителей должна выполнять две функции: 1. функцию идеографического классификатора исходного алфавитного перечня, 2. функцию распространителя этого перечня. В идеографической части, таким образом, представлены как слова исходного алфавитного списка, так и слова, отсутствующие в нем (т. е. дополняющие его). Последние отличаются графически.

Весь материал идеографической части объединен в 29 классов, 254 разряда и 649 групп. В состав идеографического словаря входит список этнонимов, который содержит названия наиболее крупных этносов в СССР, названия славянских народов и жителей неславянских государств. Этнонимы даются тройками: *америкáнец — америкáнка — америкáнский*. При отборе этнонимов, обозначающих жителей зарубежных государств, авторы ориентировались на перечень стран, приложенный к *Советскому энциклопедическому словарю* (Москва, 1980).

Второй раздел комплексного словаря содержит „*Материалы для поаспектной работы над русской лексикой*“ (с. 545—1164). Он состоит из восьми подразделов. Четыре из них являются перечнями лексико-методических групп синонимического, антонимического, омонимического и паронимического типа. Они, по сути дела, представляют собой краткие словари синонимов, антонимов, омонимов и паронимов с ярко выраженной практической направленностью.

Подразделы „*Лексико-методические группы синонимического типа*“ (с. 546—635) и „*Лексико-методические группы антонимического типа*“ (с. 636—677) отражают способность лексико-семантических единиц исходного алфавитного списка вступать в синонимические (антонимические) отношения. Слова-синонимы расположены по степени смысловой близости к заголовочной единице (ср. *вверх*, *наверх*, *кверху*, *высь*). В антонимическом противопоставлении после заголовочной единицы ставится тире и приводится слово, образующее вместе с ней лексико-методическую группу антонимического типа (ср. *бедá — счастье*, *удáча*).

Широко понимают составители словаря омонимию („*Лексико-методические группы омонимического типа*“, с. 678—692). Они различают омонимию лексическую, т. е. содержательную (ср. *главá¹ правительства*; *первая главá² книги*) и грамматическую, т. е. функциональную (ср. *знать¹ чьи-л. планы*; *местная знать²*, *знать³ у него сегодня плохое настроение*).

Подраздел „*Лексико-методические группы паронимического типа*“ (с. 693—699) содержит слова одной части речи, связанные между собой близостью (не тождеством) звуковой формы независимо от того, являются ли они однокоренными или равнокоренными (ср. *воздéйствиe — содéйствиe*, *немец — нёмец*, *звать — назывáть*, *гряный — грягóвой*).

„*Материалы для поаспектной работы над русской лексикой*“ содержат далее фразеологическую, этимологическую, ортологическую и страноведческую информацию о словах исходного списка.

В подразделе „*Фразеологическая ценность слов исходного списка*“ (с. 700—744) представлена способность слов употребляться в составе общеизвестных и широко употреби

тельных фразеологических единиц. Они даются в порядке следования слов исходного списка (ср. *бросаться*: *бросаться в глаза*; *бросаться словами*; *бросаться со всех ног*).

Происхождение слов исходного алфавитного списка, заимствованных русским языком из других языков, а также слов, появившихся в русском языке на базе заимствованных и интернациональных корней и основ приводится в „*Этимологический справках*“ (с. 745—757). Указание на происхождение заимствованных слов имеет вид кратких этимологических справок.

Индивидуальные языковые и речевые особенности слов исходного алфавитного списка (вариантность и отклонение от системно-регулярных грамматических правил) показаны в подразделе „*Трудности и точности словоупотребления (ортология)*“ (с. 758—800). Каждая словарная статья состоит из заголовочного слова и комментария, содержанием которого является обычно нормативная оценка акцентологических, произносительных и морфологических вариантов заголовочного слова, вариантов его употребления, а также других трудностей, невнимание которых может привести к нарушению норм русского литературного словоупотребления.

Лексико-семантические единицы исходного списка, нуждающиеся в страноведческом комментарии, собраны и представлены в алфавитном порядке в подразделе „*Лексико-методические группы страноведческого типа*“ (с. 801—823).

„Лексическую основу русского языка“ дополняют „*Наиболее употребительная русская лексика по концу слова*“ — обратный словарь (с. 824—861), „*Общий индекс слов и выражений*“ (с. 862—1164), микрословарь „*Наиболее употребительные русские личные имена*“ (с. 1165—1166).

Рецензируемый труд не имеет до сих пор аналогов ни в советской, ни в зарубежной лексикографии. Он показывает не только возможный путь практического моделирования лексической системы русского языка, но и допускает самое широкое использование в практике преподавания русского языка как иностранного. Поэтому словарь адресован прежде всего преподавателям русского языка как иностранного. Он может, однако, представлять также интерес для составителей программ и учебных пособий по русскому языку, для авторов учебников и для специалистов по русскому языку и общему языкознанию.

Алеш Бранднер

В. И. Митрохина и кол.: *Русский язык для научных работников-иностранцев*. Москва, Наука 1985, 352 с.

Рецензируемое пособие предназначено для развития и совершенствования навыков диалогической и монологической речи на текстовом материале, обеспечивающем коммуникативные потребности научного работника в различных сферах общения.

Пособие состоит из 4 разделов. Тексты, диалоги и лексико-грамматические упражнения каждого раздела тематически и ситуативно связаны между собой. Первая часть (с. 5—103) посвящена *знакомству с Москвой, ее транспортом и сферой бытовых услуг — гостиницей, почтой, поликлиникой, торговыми центрами*. В разделе *Биография* читатель знакомится с жизнью видных советских ученых и путем упражнений приобретает навыки написания автобиографии.

Второй раздел книги (с. 104—173) углубляет знания общественного и государственного строя СССР. Тексты объясняют *государственное устройство СССР, органы власти и управления, основы политической и экономической системы, общественные организации*. В этой же главе приводится материал, связанный с *культурой и искусством, физкультурой и спортом* в Советском Союзе.

В третьей части (с. 174—308) даются основные сведения об *Академии наук СССР*, ее истории, основных функциях и задачах научно-исследовательских институтов и конкретных формах подготовки научных кадров. В главе *Библиотека* даются практические советы — как записаться в библиотеку, как заказывать книги, и др. В заданиях главы *Конференция, симпозиум* читатель обучается составлению приглашения на симпозиум, даются необходимые фразы для составления научного доклада, статьи, ре-